

Чхеидзе Т. Н.

2/11-88

КОММУНИКАЦИЯ УЗБЕКИСТАНА
г. Ташкент
9 июля 1988

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

том числе, существует разлад между драматургией и театром. Полное ощущение, что большинство драматургов не знают театра. Честное слово, ремесло не такое плохое слово. Сейчас почему-то об этом редко вспоминают. Счастье наше, что в Тбилиси несколько совершенно разных театров.

— Это правда, что вы

раем английскую пьесу, мы же не говорим с английским акцентом, верно? Во всех спектаклях это плохо. Я знаю только один случай, когда это было органично. Там, где Закариадзе играет отца солдата в одноименном фильме. Там его акцент естествен, он приезжает в Россию и говорит на русском языке. Если, конечно, это можно назвать русским языком.

Когда я ставил во МХАТе

удается, дай бог им здоровья.

Режиссер должен быть привлекательной личностью. Чтобы актерам было радостно приходить в театр, чтобы не страшно было ошибаться вместе с ним. Представляете, в противном случае, идти на репетицию и ненавидеть режиссера. Ужас какой! Репетиция — это духовный стриптиз актера. И нужно создать такую атмосферу, чтобы актеру хотелось идти

ли праздничное представление. Полное безобразие. Идем вечером домой, он говорит: «Вот и хорошо. От нас все время ждут только хороших спектаклей. Теперь не будут ждать. Очень хорошо. Не переживай». Он может заставить себя не реагировать.

— Судя по тому, что вы ведете курс в театральном институте, можно говорить об учениках, ваших последователях?

фильме «Твой сын, земля», сыгранная достоверно и убедительно...

— После этого фильма многие в Тбилиси возмутились: как я, автор острых, проблемных спектаклей, мог сняться в этом фильме. Я не считаю, что эта роль противоречит моим принципам. Совсем нет.

— В вашем театре я посмотрела два спектакля: «Хакки Адзба» и «Я — Илья». Что касается первого, то несмотря на Отара Мингванетахуцеси, исполнявшего главную роль, зал был почти пуст. «Я — Илья» трудно назвать зрелищем...

— Что касается «Хакки Адзба», то этот спектакль всегда пользуется успехом на гастролях и не собирает полного зала в Тбилиси.

Увы. «Я — Илья» — это наш рассказ о событиях вокруг убийства Ильи Чавчавадзе. Мы обнародовали документы, которые до сих пор не были опубликованы. Знаете, это оскорбляет народ, который не знает судьбы своего великого сына. Спектаклем я его назвать не могу. В театральном смысле он для меня не представляет интереса. В художественном — он интересен работой Мингванетахуцеси.

— Коль мы заговорили о зрителе, то давайте выясним, чего вы ждете от него?

— Чтобы совпала боль, которую хотят донести актеры. Чтобы зритель откликнулся на нее. Не нужно говорить о боли, надо чтобы было больно.

— Вы почти не ставите современных авторов. В репертуаре вашего театра больше классических пьес.

— Я действительно очень мало ставил современную драматургию. Всего 6 спектаклей. А что касается классики, то меня часто обвиняют в том, что я вольно

обращаюсь с автором. Это вызывает у меня внутренний протест. «Отелло» кто-то принимает в захлеб, кто-то не принимает категорически. Меня это сначала пугало. А потом я успокоился. Что от меня требовали противники? Чтобы действие не расходилось с текстом. А у меня, когда дело касается Шекспира, такое ощущение, что не автора защищают от меня, а предыдущие постановки.

2 мая я выпустил драму Шиллера «Коварство и любовь». Должно пройти время, чтобы я смог объективно посмотреть свой спектакль: каким он получился.

— Понятие национального театра... Как формулируете его вы?

— Однозначного ответа нет. Национальное театральное искусство — это синтез всего национально-го: поэзии, прозы, музыки, живописи. Когда я ставлю спектакль, не думаю о том, как бы мне поставить «Отелло» грузинским. Все, к чему я прикасаюсь, будет грузинским. Главное — психология и дух произведения. Как этот дух создается — я не знаю. И договоримся, я не кокетничаю. Это заложено внутри, словами выразить не могу. Да, он есть, но как, из чего создается, не знаю.

— Скажите, Темур, когда у вас не получается спектакль, когда кажется, что ничего стоящего не создано, словом, когда случается кризис, что служит выходом, надеждой, желанием работать?

— Может быть, у меня дурной характер. Я бесконечно иду заряд. Мне нужно видеть перед собой пример. Тогда хочется сделать лучше.

Гостя расспрашивала Г. ФОМАИДИ.

Темур ЧХЕИДЗЕ: «Чтобы не страшно было ошибаться вместе»

больше не главный режиссер театра имени Марджанишвили?

— Правда. Я год добивался того, чтобы уйти с этой должности. Сейчас у нас режиссерская коллегия. Художественным руководителем театра им. Марджанишвили согласился стать Акакий Бакрадзе — историк, критик, филолог, человек в Тбилиси известный. Почему я ушел? Потому что не считая себя руководителем. У меня самого масса претензий к себе. Представляю, сколько их у других. Пока они сами не предложили мне уйти, я решил их опередить (смеется). Уходить из театра не собираюсь. У меня идеальные отношения с актерами. И потом, не так много осталось жить и ставить.

— Как вы относитесь к грузинскому акценту русских театров?

— Вы меня как грузина спрашиваете или как режиссера? Плохо. Когда мы играем английскую пьесу, мы же не говорим с английским акцентом, верно? Во всех спектаклях это плохо. Я знаю только один случай, когда это было органично. Там, где Закариадзе играет отца солдата в одноименном фильме. Там его акцент естествен, он приезжает в Россию и говорит на русском языке. Если, конечно, это можно назвать русским языком.

— Вы меня как грузина спрашиваете или как режиссера? Плохо. Когда мы играем английскую пьесу, мы же не говорим с английским акцентом, верно? Во всех спектаклях это плохо. Я знаю только один случай, когда это было органично. Там, где Закариадзе играет отца солдата в одноименном фильме. Там его акцент естествен, он приезжает в Россию и говорит на русском языке. Если, конечно, это можно назвать русским языком.

— Я так не считаю. Думаю, что везде, и в Грузии в

инсценировку повести Михаила Джавахишвили «Обвал», то понадобилось несколько дней, чтобы актеры загорелись произведением грузинского писателя. И еще полтора месяца, чтобы они начали играть без грузинского акцента.

— Что главное для вас в работе с актером?

— Я ничего нового не скажу, но именно для работы с актером и создан режиссер. Для каждого режиссера репетиция — это главное. Я не добиваюсь полного подчинения от актера. Мы вместе выстраиваем внутреннюю жизнь героя. Даю ему полную свободу, если, конечно, она не противоречит общему строю спектакля. Задаю квадрат импровизации. Вглубь копать можно, в стороны нельзя.

Сейчас часто ведутся споры о том, кто же главнее в театре: режиссер или актер. Мне кажется этот конфликт надуманным. Это как в семье, где пытаются решить вопрос, кто главный — муж или жена. Если кому-то это

на это. Если же этого не происходит, я ничего не стою.

— Что вы исповедуете как режиссер?

— Театр — это место, где происходит рентген человеческой души. Именно к этому я стремлюсь. Это очень трудно. Редко получается. Можно вспомнить всего несколько подобных спектаклей. А что я исповедую? Каждый мой спектакль поставлен на одну из десяти заповедей.

— Вы десять лет проработали в театре имени Руставели с Робертом Стуруа.

— Да, и мы, пожалуй, единственная режиссерская пара, которая мирно расталась и дружна до сих пор. Я за годы своего руководства в театре имени Марджанишвили так и не смог добиться, чтобы не выходили спектакли ниже среднего уровня. Наверное, не ставя плохие спектакли, нельзя поставить хорошие. Стуруа всегда советует: «Ты не переживай, когда ругают». Как-то мы с ним постави-

ли. Не знаю... Чему я могу научить их? Мы учимся друг у друга, так вернее.

— Вы следите за их судьбой?

— Конечно. Все мы разные в человеческом плане. В творческом — тем более. Одни через год после окончания института, смотришь, уже образовали свою студию. Другие вообще ничего не сделали. Наверное, так и должно быть. Судить о них как о режиссерах можно будет лишь через несколько лет.

— Нужен разбег?

— Конечно. Меня часто обвиняют в том, что я мало занимаюсь правой стороной молодых режиссеров. Я, может быть, плохой руководитель. Не знаю. Каждый из нас живет мало. Жизнь главного режиссера — 10 лет. А что делать тому, кто не главный и хочет ставить? Чем больше разных режиссеров в театре, тем интереснее и пестрее панорама, я думаю.

— У многих на памяти роль секретаря райкома в